

Die Wörterverzeichnisse im Anhang enthalten 1680 (Komi-Russisch) bzw. 2302 (Russisch-Komi) Wörter.

Das Lehrbuch ist für den Gebrauch in den Schulen bestimmt, eignet sich aber sicher auch für den Selbstunterricht.

Es gibt also schon moderne Lehrbücher

für den Komi-Unterricht, hoffentlich führt das auch zu einem verstärkten Interesse an dieser Sprache sowohl bei der russischen Bevölkerung der Republik wie auch bei den Komi, welche die Sprache ihrer Vorfahren schon verstanden haben.

ATTILA DOBÓ (Pécs)

<https://doi.org/10.3176/lu.1995.2.18>

В. Д. Бондалетов, Финно-угорские заимствования в русских аргю. Учебное пособие, Самара 1992. 160 с.

Книга представляет собой анализ иноязычных слов и производных от них в словарном составе русского аргю. Условный язык, или аргю, является одним из типов социальных диалектов, который характеризуется наличием а) конспиративной (закрытой для посторонних) функции и б) созданной для ее реализации лексики, изменяющейся по грамматическим законам общего языка или диалекта. Носителями такой тайной речи чаще всего бывают три категории лиц: 1) торговцы — базарные и разносчики (коробейники-офени), 2) ремесленники-отходники (шерстобиты, валяльщики валенок, портные, кузнецы, печники и т. п.), 3) профессиональные нищие — сборщики подаяний. Условная речь обеспечивала ее носителям сохранение профессиональных тайн. Необычный язык выполнял также экспрессивную и ритуальные функции.

Привлечение автором большого фактического материала дает реальную картину межъязыковых контактов, существовавших между демократическими слоями и профессиональными группами русского и финно-угорских народов. Собранные сведения позволяют точно определить участие каждого из финно-угорских языков в формировании аргюлексической лексики русских ремесленников и торговцев, общий ареал распространения финно-угорских заимствований и зоны включений из конкретных языков, а также реальное место финно-угорского элемента в лексической и словообразовательной системе отдельных аргю.

Приведены заимствования в русские аргю почти из всех финно-угорских языков — мордовских (мокшанского и эрзянского), марийского (горного и лугово-восточного), удмуртского, коми, вепского, карельского, финского, эстонского и венгерского. Больше

всего аргю использует мордовскую (121) и марийскую (67) лексику, скромнее представлены прибалтийско-финские (21), пермские (15) и венгерские (7) заимствования. По количеству финно-угорские заимствования в русских аргю превосходят заимствования из индоевропейских (их около 200) и тюркских (их около 170) языков. Однако производных образований финно-угорские лексические элементы в целом дали значительно меньше, чем индоевропейские.

Основная масса финно-угорских элементов встречается в поволжских и некоторых северных русских аргю, носители которых находятся или находились ранее в соседстве с финно-угорскими народами. Характеристике лексических пластов в системе аргю посвящены отдельные главы рецензируемого пособия. Слова мордовского происхождения входят в аргю, распространенные в Пензенской области и Мордовии. Марийская по происхождению аргюлексическая лексика более локализована, чем мордовская. Она сосредоточена в *жгонском* языке костромских, нижегородских, а также зубово-полянских (Мордовия) и беднодемьяновских (Пензенская область) ремесленников-шерстобитов и портных. Пермские (коми и удмуртские) заимствования встречаются в основном в северо-восточных аргю на территории Нижегородской области. Заимствования из прибалтийско-финских (вепского, карельского, финского и эстонского) языков обнаруживаются в северных (Карелия) и верхневолжских (Тверская, Костромская, Ярославская обл.) аргю. Небольшое количество венгерских аргюлексических элементов попало в русский язык, видимо, непосредственно от венгерских торговцев или через носителей украинского аргю.

Наиболее ранние заимствования из фин-

но-угорских языков (типа венгерских по происхождению арготизмов *ловак* 'лошадь' и *хаз* 'дом') получены восточнославянским арго в XV—XVI вв., а многочисленные включения из мордовского, марийского и незначительные арготизмы из удмуртского, коми, карельского, финского и других языков финно-угорской семьи произошли позднее (XVII—XVIII и особенно XIX вв.).

Учебное пособие снабжено арготическими словарями, включающими финно-угорские по происхождению слова. В «Словарь пензенских шерстобитов» вошла арготическая лексика, записанная как от рус-

ских, так и от мордовских ремесленников-отходников. Второй словарь содержит арго ремесленников с. Вичутка Пензенской области. В третьем приведены счетные слова костромских бочаров.

Вообще, рецензируемая работа богата фактическим материалом, автор мастерски оперирует им. Книга представляет ценность не только для лингвистов, но и для этнографов. Надо думать, что она займет достойное место как среди работ по финно-угорскому языкознанию, так и среди пособий по социолингвистике.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллинн)

Helle Metslang, Temporal Relations in the Predicate and the Grammatical System of Estonian and Finnish. Dissertation at the University of Oulu, Department of Finnish and Lappish, Oulu, Finland, December 9, 1994, Oulu 1994 (Oulun yliopiston suomen ja saamen kielen laitoksen tutkimusraportteja 39). 279 pp.

Helle Metslang, senior researcher at the Grammar Section of the Institute of the Estonian Language, defended her doctoral dissertation at the University of Oulu on December 9, 1994, Mati Erelt (Ph.D.) acting as an opponent. The book presented as dissertation consists of eight articles published 1991—1994, an introduction and a long summary in English with supplements. As the articles have appeared at intervals and the author has made progress meanwhile, a complete unity of content and composition is left to be desired. This makes the reading more difficult, but it does not diminish the scientific value of the thesis.

The main objective of the thesis is the description and comparison of Estonian and Finnish tense systems. The subsidiary object is the typological comparison of the whole grammatical system of Estonian and Finnish.

The author divides the articles and hereby the dissertation into three parts: 1) the description of Estonian and Finnish tense systems from the static aspect, 2) synchronic dynamics of the category of tense in Estonian and Finnish and 3) comparison of Estonian and Finnish language systems. Part three stand clearly apart, but the discrimination between part one and part two is somewhat forcible. Parts one and two together contain

six articles: "Die temporale Bedeutung der Verbalkonstruktionen im Estnischen" (1991), "Ajast ja tema vormist verbitarindeis" (1991), "Viron aika — muoto, merkitys, ikonisuus" (1993), "Verbitarind ajatähendust väljendamas" (1993), "Kas eesti keeles on olemas progressiiv?" (1993), "Eesti ja soome — futuurumita keeled?" (1994).

In describing the tense system the author proceeds from the theory suggested by Hans Reichenbach, discriminating between absolute time (the relation of the time of an event to the moment of speaking) and relative time (the relation of the time of an event to the time of another event). Later the category showing time relation came to be called taxis after Roman Jakobson. The need for such distinction is essential for describing various verb constructions used as predicates. For example, the perfect (*on koristanud*) and the past perfect (*oli koristanud*) are described as absolute-relative tense forms: the past-in-the-present (present state + a past action preceding it) and the past-in-the-past (past state + an action preceding it). By combining the categories of tense and taxis the meanings of compound tense forms, as well as all other verb constructions functioning as predicates are described, including periphrastic verb forms (*jäi koristamata, jättis koristamata, oli*